

Утром следующего дня Жун Бай, который прежде никогда не упускал возможности поваляться в постели, впервые встал спозанедоутренно и вытащил из холодильника заготовленные накануне продукты. Его кулинарные навыки были скромны, и умение просто довести еду до съедобного состояния уже можно было считать природным даром. Что же до вкуса — пока блюдо не вызывало отвращения, сочетание мяса и овощей в любом случае не могло оказаться совсем уж отвратительным.

Он заранее пришел к школьным воротам, поджидая своего одинокого маленького любимого человека.

Утренний вход в школу шумел голосами: родители провожали детей, покупали им завтрак или напутствовали вести себя послушно, прилежно учиться и не доставлять хлопот учителям и одноклассникам.

Дети наивно кивали в ответ, но стоило родителям уйти, как они если и сдерживали поначалу свой бойкий нрав перед учителем, то стоило тому отвернуться, как истинная природа вновь вырывалась наружу.

Цзян Яньбай добрался до школы уже без десяти семь, но сегодня всё было иначе. Обычно тетюшка выделяла ему монетку на паровой пампушку-маньтоу, однако сегодня, быть может затаив обиду из-за вчерашнего инцидента с собственным сыном, Ян Цзиньчай не дала Цзян Яньбаю ни юаня.

Это означало, что сегодняшний день мальчику придется провести впроголодь: без завтрака, без обеда, а ночью, возможно, удастся перекусить лишь холодным маньтоу.

Цзян Яньбай, не питавший ни малейших надежд на этот самый обычный день, замер, едва увидев Жун Бая. Он так и остался стоять на месте, еще слишком маленький, чтобы осознать, что это за чувство.

Но он отчетливо понимал: Жун Бай стоит здесь ради него. Впервые в жизни кто-то думал о нем, помнил о нем, словно он тоже чего-то стоил, словно кому-то был дорог.

Глядя на замершего перед ним Цзян Яньбая, Жун Бай с легким нетерпением подошел ближе и неумелой рукой взъерошил мальчику волосы, похожие на обгрызенный собакой куст. Цзян Яньбай не желал жить с ним под одной крышей, но это вовсе не значило, что Жун Бай не мог о нем позаботиться.

Пусть их прежние чувства почти разрушились, этот мужчина — этот мальчик — некогда разделял с ним поистине прекрасные воспоминания.

Романтическое предложение под мириадами звезд, педантичный, похожий на аскета Цзян Яньбай, этот высокий и красивый мужчина, стоящий на коленях у его ног, с таким нежным взглядом.

Даже без слов переполнявшая его любовь казалась готовой пролиться через край. Стоя на одном колене и протягивая кольцо с выгравированными на нем их именами, он неуверенно спрашивал: Ты согласен выйти за меня? Выражение его лица было столь робким и в то же время искренним — и всё это Жун Бай до сих пор помнил с поразительной четкостью.

Этот властный магнат делового мира, легким росчерком пера решавший чужие судьбы, в тот момент выглядел совершенным глупышкой. Мужчина, научившийся безупречно контролировать все свои эмоции и выражения лица, впервые выказал такую растерянность, впервые так нервничал, что не смел поднять глаза на Жун Бая.

Даже в разгар самых жестоких ссор и холодной войны, когда Жун Бай безумно жаждал развода, стоило ему вспомнить ту сцену, как он неизменно успокаивался, отчаянно пытаясь дать шанс и себе, и другому.

Быть может, они любили друг друга, но так и не узнали друг друга по-настоящему.

— Зачем ты пришел? — растерянno спросил Цзян Яньбай. Никто и никогда еще не трепал его по голове, но почему-то он не стал останавливать Жун Бая, лишь хмуро опустил взгляд.

Только тут Жун Бай вспомнил о своей цели. Он протянул мальчику матерчатый мешочек с контейнером для еды, изо всех сил стараясь вернуть голосу и лицу привычное выражение:

— Поешь получше в обед, ты сейчас как раз в том возрасте, когда стремительно растешь. Завтрак я тебе тоже купил, всё внутри.

Цзян Яньбай ничего не ответил и лишь спустя долгое время произнес:

— Хорошо.

Жун Бай, изначально опасавшийся отказа, облегченно выдохнул. С улыбкой он сказал:

— Иди, учись как следует и не балуйся.

Цзян Яньбай впервые в жизни услышал напутствие от старшего. Он глубоко посмотрел на Жун Бая, тут же отвел взгляд и семенящей походкой направился в школу.

В матерчатом мешочке лежал скромный ланч-бокс из нержавеющей стали, способный сохранять тепло. Это был лучший контейнер, который Жун Бай смог отыскать на рынке: продавец уверял, что тот держит температуру не меньше десятка часов, гарантируя, что приготовленная с утра еда останется горячей и к полудню.

Цзян Яньбай сидел за своей партой. На завтрак сегодня досталось два больших мясных

пирожка и стакан горячего молока в термосе. Одноклассники один за другим входили в класс: многие уже позавтракали дома, но некоторые, как и Цзян Яньбай, могли поесть лишь здесь, прямо за партами.

Сидевшая рядом с Цзян Яньбаем девочка завистливо посмотрела на него — точнее, на лежащие перед ним мясные пирожки и источавшее сладковатый аромат горячее молоко.

— У меня дома есть рыбий жир, — тихо произнесла она. — Я могу облизывать его по капельке каждый день.

Она говорила сама с собой, словно надеясь таким образом унять аппетит.

Учеба тянулась томительно. В те времена физкультуру, музыку и прочие подобные предметы ценили мало, и главные учителя норовили без зазрения совести забрать эти часы под свои основные дисциплины. Цзян Яньбай спрятал ланч-бокс на полку под партой; ему не терпелось заглянуть внутрь, снедаемому любопытством и жаждой, но в то же время он боялся, что наружу просочится аппетитный запах.

Во рту у Цзян Яньбая непроизвольно выделилась слюна. Он снова вспомнил тот горячий горшок, что ел в доме Жун Бая — насыщенный бульон и нежнейшую говядину. За всю свою недолгую жизнь он еще никогда не пробовал ничего вкуснее.

Цзян Яньбай сжал кулаки. Он не собирался вечно жить так. Наступит день, и он непременно заживет той жизнью, о которой мечтал.

Утренние уроки пролетели в мгновение ока. Учился Цзян Яньбай неплохо, неизменно держался в верхних строчках списков и порой даже прорывался в первую пятерку.

По китайскому языку и математике у него всегда стояли высшие балы, но никто и никогда его не хвалил. Даже учителя были убеждены, что таких результатов он добивается лишь списыванием у одноклассников.

Даже несмотря на то, что соседями по партам Цзян Яньбая обычно назначали учеников с самыми низкими оценками, никто и помыслить не мог воздать должное его стараниям.

Стоит предвзятости укорениться в людских сердцах, и изменить ее становится невероятно трудно.

Наступил час обеда. Цзян Яньбай вернулся на свое место и так и стоял надолго у задней парты — простояв так целый день, даже мальчишка начинал чувствовать усталость.

Сидевшая с ним за одной партой девочка достала собственный контейнер, но глаза ее так и прикипели к ланч-боксу на столе соседа.

Цзян Яньбай и сам не знал, что именно приготовил для него Жун Бай, но интуиция подсказывала: этот человек — единственный, кто проявил к нему искреннюю доброту за всю его жизнь. Цзян Яньбай приподнял крышку контейнера, и оттуда тут же пахнуло жаром.

Внутри обнаружились обжаренная с перцем молодая капуста, полоски говядины с зеленым перцем, фаршированные яйца под мясным соусом и полная порция белого риса.

Такого разнообразия не водилось даже в учительской столовой: еда не была пресной или бедной на масло, а от самого ланч-бокса исходил неповторимый аромат яиц и мяса.

Цзян Яньбай и сидевшая рядом девочка невольно сглотнули слюну. До чего же вкусно пахло! Недостатки готовки с лихвой окупались качеством продуктов. В глазах и на вкус Цзян Яньбая стряпня Жун Бая, пусть и грубоватая, казалась лучше деликатесов из лучших ресторанов.

Девочка молча наблюдала со стороны, но на этот раз не стала просить обмена.

Мясной пирожок — вещь ароматная, хотя достается редко. Но всё же девочка пробовала его раньше. Она была мала годами, но обладала удивительным для своего возраста здравомыслием. Быть может, накопив карманных денег, со временем она и смогла бы купить мясной пирожок, чтобы вернуть долг Цзян Яньбаю. Но на такую еду ей было не скопить и за год, поэтому оставалось лишь изредка поднимать глаза, втягивать аппетитные запахи и молчать.

Суровая реальность заставляла некоторых детей взрослеть слишком рано.

По-настоящему наивными бывали лишь те, кто рос в изобилии.

В бедности каждую копейку делили надвое, и, съедая порцию, думали о том, как пережить следующую трапезу. Именно так выглядела повседневная жизнь Цзян Яньбая.

— Чего это ты ешь? — привлеченный ароматом, подошел мальчишка с соседнего ряда. Он происходил из семьи побогаче и раз в два-три дня даже мог позволить себе мясо, хотя и в небольших количествах — так, чтобы только подразнить аппетит, ведь мясом наестся было нельзя. В прошлых стычках с пирожками он не участвовал, а потому безо всякого зазрения совести придвинулся ближе, прихватив собственный ланч-бокс.

Потерев рот рукавом, мальчик смущенно улыбнулся:

— Давай поедим вместе? Я тебе тоже своих овощей дам.

Цзян Яньбай бросил на него косой взгляд, но отказываться не стал — он не был жадиной, просто прежняя жизнь приучала экономить каждую крошку.

— Ладно.

Цзян Яньбай от природы отличался немногословием, к чему одноклассники уже успели привыкнуть.

Мальчишка тут же ухватил палочками из контейнера Цзян Яньбая полоску говядины. Глаза у него заблестели, хотя взял он немного — всего парочку кусочков. Отправив их в рот и тщательно пережевывая, он едва не захлебнулся от восторга:

— До чего вкусно!

— Эй, Чэнь Датоу, ты что, уселся обедать с этим мусорщиком? — Ян Пэнпэн с презрительным видом направлялся к ним, выкрикивая на ходу: — Совесть совсем потерял?

Самый тяжелый период в жизни Цзян Яньбая пришелся на прошлую осень. Дядя с тетей казалось, окончательно выбросили его из головы: целую неделю он не получал ни монетки, а возвращаясь домой, находил лишь половину холодного маньтоу, порой даже без соленых овощей.

Единственным способом выжить, который мог придумать маленький Цзян Яньбай, был сбор пластиковых бутылок на улице с последующей продажей на вес. Но даже отправляясь на поиски сразу после уроков, он выручал лишь столько, чтобы едва утолить голод на следующий день.

Однажды его заметил кто-то из одноклассников, и к нему тотчас прилипло прозвище мусорщик.

С тех пор прошло немало времени, но кое-кто продолжал дразнить его именно так.

Впрочем, Цзян Яньбай не сердился и не чувствовал себя ущемленным. Разве было нечто постыдное в том, чтобы зарабатывать на жизнь собственным трудом? Неужели эти избалованные родительской заботой одноклассники стояли выше него? Едва ли.

Чэнь Датоу поднял голову, посмотрел на Ян Пэнпэна, а затем на мясо в контейнере Цзян Яньбая. Остатки его мальчишеской солидарности и товарищеских чувств мгновенно испарились, и он с набитым ртом невнятно пробормотал:

— Ну и что, что мусорщик? Зато у мусорщика есть мясо, а у тебя?

Парочка стоявших неподалеку мальчишек помялась немного, а затем неторопливо подошла ближе, выкладывая свою еду на парту Цзян Яньбая со словами:

— Попробуй-ка и наши угощения.

Цзян Яньбай не стал отказываться.

Ян Пэнпэн побагровел от злости. Свирепо зыркнув на мальчишек и громко фыркнув на Цзян Яньбая, он с вызовом бросил:

— Ну погодите, я завтра тоже принесу мясо!

Но долг платежом красен, а угощение располагает к мягкости.

Один из мальчишек покосился на Ян Пэнпэна, и самый рослый из них презрительно бросил:

— Ой, Ян Пэнпэн, кто ж тебя не знает? У семьи вечно денег нет, тебя самого дома лупят, только и умеешь, что хвастаться. С чего бы тебе мясо носить? Еще и жмот такой, игрушки никому не даешь.

Ян Пэнпэн опешил и взвился:

— Вы что, из-за пары кусков мяса всю гордость растеряли?

Задетый за живое мальчишка тоже разозлился:

— А ты что делаешь, кроме как перед старостой да классным руководителем стелешься? Ведешь себя как шавка, только хвостом виляешь. Порой хуже собаки!

— Т-ты... повтори-ка! — покраснев до ушей, ткнул в него пальцем Ян Пэнпэн.

Тот вовсе не испугался. Откусив кусок мяса из корочки Цзян Яньбая, он поднялся, подошел вплотную к Ян Пэнпэну и чеканя каждое слово произнес:

— Тебе сказать? Оглох, что ли? Ну ладно, повторяю: ты хуже собаки, ты просто кусок собачьего дерьма.

Ян Пэнпэн не стерпел и замахнулся кулаком.

Но соперник не испугался: перехватив его удар одной рукой, он вторым движением сбил Ян Пэнпэна с ног.

— Иди пожалуйста, пожалуйста учителю, слабак.

Ян Пэнпэн сжал зубы, изо всех сил стараясь не заплакать.

Отойдя в сторонку, он угрюмо молчал, пока кто-то из приятелей не спросил вполголоса:

— Чего ты вечно цепляешься к Цзян Яньбаю? Он тебе дорогу перешел?

— На прошлой контрольной он занял десятое место, а я одиннадцатое, — скрежеща зубами, выдавил Ян Пэнпэн. Его ненависть была по-детски чистой и самоуверенной. — Если бы не он, дома меня не отлупили бы и не лишили карманных денег.

Одноклассник изумленно вытаращил глаза:

— Из-за этого? У тебя родители совсем с ума сошли? Обязательно в десятку попадать?

Ян Пэнпэн фыркнул:

— Они о мне заботятся.

Он не смел ненавидеть родителей и не хотел признавать собственное поражение, поэтому всю вину перекладывал на Цзян Яньбая.

В его глазах причиной всех бед было то, что Цзян Яньбай учился лучше него, и он наотрез отказывался верить, что тот превзошел его благодаря уму и старанию — только с помощью грязного обмана.

Лишь придерживаясь этой мысли, он мог утешить себя тем, что проиграл не из-за нехватки способностей или лени, а лишь из-за бесстыдства противника.

Приятель остолбенел, не веря, что на свете бывает столь причудливая логика.

На дневном уроке физкультуры, поскольку основные преподаватели были сильно заняты, им неожиданно перепало первое за этот семестр занятие. В отличие от прошлых раз, Цзян Яньбай, прежде всегда державшийся особняком на краю класса, на сей раз оказался в окружении одноклассников — пусть те и крутились вокруг него лишь ради мясных лакомств Чэнь Датоу.

Но наблюдая за щебечущим рядом Чэнь Датоу и теми мальчишками, что всё ещё смаковали послевкусие обеда, Цзян Яньбай впервые ощутил, что значит уважение.

Глядя на новые высотные здания за оградой спортплощадки, Цзян Яньбай почувствовал, как перед ним распахнулся горизонт.

Оказывается, для решения многих проблем вовсе не обязательно надрываться самому — порой достаточно крошечной щепотки выгоды.

Дома кто-то донес родителям о школьной драке Ян Пэнпэна, и на следующий день он явился на занятия с переломанной ногой. Забившись в угол своей парты, испуганный и сжавшийся в комок, он больше никогда не смел докучать Цзян Яньбаю.

<http://bllate.org/book/24643/2898751>